

Полежаева Т. В. Язык как фактор национального единства: (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 3. С. 96–100 (Сер. История).

Полежаева Т. В. Религиозные основания консервативной концепции А. С. Шишкова : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2016.

Солодянкина Ю. А. Феномен иностранного гувернерства в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Отеч. история. 2008. № 4. С. 9–23.

Старое и новое время: стихотворение / пер. с фр. А. С. Шишкова // Собреседник любителей русского слова. 1784. Ч. 13. С. 42–43.

Шишков А. С. Записки, веденные во время путешествия из Кронштадта в Константинополь // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1839. Ч. 17. С. 190–308.

Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2.

Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. 14. С. 143–154.

УДК 94(44).029:327

С. М. Рябов

ШАРЛЬ ДЕ ДАНЗЕЙ: ДИПЛОМАТ-ГУГЕНОТ НА СЛУЖБЕ ФРАНЦУЗСКОГО КАТОЛИЧЕСКОГО ДВОРА

В статье рассматривается биография французского дипломата-резидента Шарля де Данзея, который прослужил при датском дворе более 40 лет. Став не просто резидентом при датском королевском дворе, а «резидентом для всей Балтии», он оставил заметный след в выстраивании политики Франции в данном регионе, явился замечательным примером беспрекословной службы короне. Феномен Шарля де Данзея заключается в том, что, будучи искренним гугенотом, он верой и правдой служил французскому католическому дому Валуа, хотя при этом находился при датском короле-гугеноте. В статье приводится немногочисленная историография по Шарлю де Данзею, причем за основу берется личная переписка дипломата-резидента с французским двором, опубликованная в Стокгольме. На фоне сохранившихся документов дается широкая характеристика его действий, акций, мыслей и проектов. Отдельно рассматривается вопрос о взаимодействии Шарля де Данзея с гугенотским лагерем, а также о его действиях в выстраивании русско-французского диалога во второй половине XVI в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дипломатия, Россия, Франция, Дания, торговля, Северный путь, Валуа, гугеноты.

Шарль де Данзей – дипломат на службе французского двора – остается до сих пор для многих неизвестной фигурой в рамках истории XVI в. О нем мало известно как во Франции, так и в Скандинавии, где Данзей провел большую часть своей жизни. То же и в России, однако именно этот человек сделал многое для открытия Московского государства для Западной Европы. Жизненный путь этого дипломата насыщен множеством событий, которые отразились не только на его жизни, но и на жизни государств, в которых он работал. Данзей был дипломатом в Дании в течение более чем 40 лет (с 1548 по 1589 г.). Такой длительный срок поражает, ведь он был открытым гугенотом – и это во время религиозных войн, которые раздирали его страну. Таким образом, к деятельности самого Данзея добавляется и личностный, психологическо-религиозный фактор. «Тайная гармония лучше явной», – как учит Гераклит [см.: Фрагменты..., с. 192], «противоположное – согласное» [Мережковский, с. 36] – данные тезисы-антиномии пронизывали всю жизнь дипломата. Сохранение им этой «тайной гармонии», баланс, который он держал, уже заставляют поближе присмотреться к его фигуре.

Забвение Шарля де Данзея объясняется недостаточной заинтересованностью его фигурой до этого времени и пробелами в историографии. Исследования, которые были ему посвящены, являются редкими и затрагивают его деятельность лишь схематично.

Рассмотрим некоторые источники и историографию, из которых мы можем подчерпнуть сведения о Шарле де Данзее. В первую очередь, это труды скандинавских исследователей, которые заинтересовались им еще в XIX в., издав часть его корреспонденции. Письма (их копии) были найдены в Королевской библиотеке Стокгольма и опубликованы в 1824 г. Они затрагивают период с 23 января 1575 г. по 18 августа 1586 г. [см.: Correspondance...]. Спустя почти 80 лет датским историком Карлом Фредериком Брика были изданы (1901) депеши, которые Шарль де Данзей адресовал королю Франции между 26 февраля 1567 г. и 2 августа 1573 г. [см.: Bricka]. Датчанин Хольгер-Фредерик Рердам в 1898 г. публикует небольшое биографическое сочинение, основанное на описанных выше документах, а также на еще не опубликованных источниках [см.: Rørdam, p. 612–668]. Это была первая попытка систематизировать полученные данные и написать этапную работу по жизни Шарля де Данзея. Во Франции фигура Данзея в значительной степени игнорировалась. Это объясняется многими факторами, однако главный из них состоит в том, что список дипломатов, опубликованный в «Историческом каталоге Общества

Истории во Франции» в 1848 г. не содержал в себе упоминания о Данзее [Ambassadeurs..., p. 188]. Он был случайно или намеренно вычеркнут из дипломатической истории Франции. Лишь полвека спустя, в 1903 г., Данзей был удостоен краткой заметки в работе Флери Вандри о французских постоянных дипломатах в XVI в. [см.: Vindry, p. 41]. Однако в 1910 г. биографией Шарля де Данзея заинтересовался Альфред Ришар, который заявил, что Данзей должен быть выведен из забвения и вновь поставлен в качестве значимой фигуры на историческую карту Европы XVI в. [см.: Досси, с. 201]. Его работа и на сегодняшний день остается чуть ли не единственным полным и уникальным биографическим сочинением, которое открывает нам завесу тайны над французским резидентом в Дании [см.: Richard].

Однако исследование Ришара, насколько бы великолепно оно ни было, не дает нам права остановиться и прекратить изучение личности Шарля де Данзея: изменилось время, с высоты которого мы можем посмотреть на его деятельность, изменились методы и подходы, изменились и мы сами, исследователи-историки, появились и новые документы, которые Ришаром не были использованы. Спустя более чем сто лет после последней работы, написанной о Шарле де Данзее, мы вновь возвращаемся к этой фигуре, желая переосмыслить и понять, кем же был этот человек?

В 2015 г. вышла статья Юга Досси, в которой он вслед за Ришаром составляет биографию дипломата [см.: Досси, с. 198–227]. Данная работа вновь пробудила интерес не только к личности Данзея, но и к теме французов на Севере Европы. В 2017 г. появляется работа Бруно Виане, в которой французский ученый исследовал деятельность французов на Севере, в частности на Русском Севере, затронув попутно и деятельность Данзея как главного проводника северной торговой политики Франции [см.: Виане].

Таким образом, мы можем сказать, что личность Шарля де Данзея в историографии затронута мало. Она помещается в масштабные исследования, в рамках которых историки тем или иным образом включают фигуру дипломата, пользуясь различными аспектами его деятельности. Однако полного и точного описания жизни резидента так и не было написано или же такие описания устарели и требуют переосмысления. В своей работе мы попытаемся рассмотреть различные аспекты жизни Шарля де Данзея, а также подробно остановимся на его фигуре в рамках русско-французских связей, в которых он являлся если не начинателем, то, по крайней мере, явным сторонником дипломатического и экономического сближения двух государств.

Шарль Киссарм, будущий сеньор де Данзей, родился в Сен-Мексане, в Пуату в 1515 г. Его семья, недавно получившая дворянский статус, проживала в центре Франции. Его дед, Тома Киссарм, был ординарным медиком при Людовике XI, который и пожаловал в 1480 г. ему дворянский титул с доменом Данзей. Отец Шарля, Жан Киссарм, в 1512 г. женился на Жанне Пайян, происходившей из довольно богатой семьи буржуа, которая также недавно получила дворянский титул.

От этого брака родились два сына. Шарль был младшим, старшего сына звали Жан, и он приобрел после смерти матери титул сеньора де ла Туш-Жильбер, а после смерти отца в 1559 г. – и домен Данзей. За младшим братом осталась лишь титулатура и возможности королевской службы, которые он и принялся реализовывать сразу же после завершения учебы в университете Пуатье. Взоры Шарля были обращены на Париж, куда он довольно быстро попадает благодаря протекции родственников и друзей и сразу же устраивается на службу при королевском дворе между 1540–1542 гг. в возрасте 25–27 лет.

Амори Бушар продвигает Данзея по карьерной дипломатической лестнице. Особенные усилия Шарль прилагал к изучению немецкого языка, что и способствовало его будущей профессиональной карьере в качестве резидента короля: на немецком говорили не только на территории злейшего врага Франции – в империи Габсбургов, но и при дворе датского короля, где немецкий язык считался официальным языком делопроизводства и придворного общения. Однако если до назначения на пост постоянного резидента при датском монархе Данзею еще нужно было прожить несколько лет, то для его первого поручения немецкий язык понадобился ему в скором времени.

Первое королевское поручение привело Шарля в Страсбург, где он выступил в качестве тайного представителя французского монарха в 1547–1548 гг. [см.: Досси, с. 202–203]. Замаскированный под студента, он играл роль замыкателя тайной дипломатическо-шпионской цепи между королевским двором и его информаторами. С вершины своей позиции Данзей мог следить за действиями как самих Габсбургов, так и протестантских князей, которые в течение всей эпохи религиозных войн во Франции оказывали тайную и явную помощь гугенотам. Как мы видим, уже при выполнении первой миссии Шарль столкнулся с «противоположным – согласным»: он следил за протестантскими силами и за их связью с гугенотами, передавая информацию католическому двору, хотя при этом сам был рьяным протестантом, всей душой болеющим за свою веру.

Вскоре Данзей был направлен в Базель, а оттуда в Данию, дабы заставить государства Скандинавского полуострова в том, что французский король прилагает все усилия для борьбы против Габсбургов, а также для того, чтобы продвинуть идею французской торговли на Балтике [см.: Досси, с. 203].

18 ноября 1548 г. ему были вручены необходимые верительные грамоты от короля, и он отправился в Копенгаген. Десять дней спустя он предстал перед Кристианом III в качестве постоянного дипломатического представителя французского короля при особе датского монарха. Данзей был не первым французским дипломатом в Дании, но именно он прослужил в этой должности до конца своей жизни, в отличие от своего предшественника – Кристофа Ришера, который хоть и долгое время бывал в Дании, но с длительными перерывами – вплоть до самого 1548 г. [см.: Rørdam, p. 620–623]. Таким образом, Данзея можно считать не просто первым постоянным дипломатическим представителем Французского королевства в Дании, но и одним из первых постоянных резидентов в Европе, что особенно привлекает внимание к его фигуре, так как он служит одним из примеров становления данного института на карте Западной Европы, тогда как в Восточной Европе в это время господствовал принцип окказиональной дипломатии [см.: Молочков, с. 11].

С годами Данзей все реже будет покидать Данию, и тем самым вызовет к себе немалое уважение со стороны короля. В частности, в письме от 1 мая 1572 г. Данзей называется Карлом IX «нашим советником» и «замечательнейшим и сильнейшим нашим подданным, очень дорогим нам и нашим другом» [Lettre..., p. 152]. Очевидно, что за 20 лет службы на посту резидента Шарль де Данзей снискал немалое уважение среди королевской четы и всей семьи Валуа, его высоко ценила Екатерина Медичи, что также видно по довольно частым письмам, которые она отправляла дипломату в Данию [Correspondance..., p. 138–141, 144–146, 150–158, 210–216].

Можно себе представить, какое положение занимал Данзей при датском дворе, будучи единственным постоянным дипломатическим представителем. В частности, это предоставляло ему приоритет перед королем в случае приезда дипломатов из других стран, которые являлись срочными представителями. Кроме того, Данзей был представителем христианнейшего монарха Европы, что давало ему, опять же, особый статус. Это позволяло Данзею и удерживать первое место после короля на официальных церемониях [см.: Досси, с. 205]. Здесь мы приведем в качестве примера лишь одно событие, чтобы показать статус постоян-

ного резидента при датском троне. Речь идет о свадебном ужине Фредерика II в 1575 г., на котором Шарля де Данзея мы видим сидящим по правую руку от короля, в то время как Огюст де Сакс – первый среди датских князей – сидел по левую сторону от монарха [см.: Досси, с. 205–206]. Это свидетельствует о том, что Данзей являлся человеком, которому датский король доверял и которого ценил так же высоко, как король французский.

О прекрасных взаимоотношениях с королем Дании говорит и тот факт, что он становится крестником второго сына Фредерика II – Ульрика – в 1579 г. [см.: Досси, с. 205]. Шарль также путешествует с королем по загородным резиденциям, посещает охотничьи угодья, но это довольно обыкновенные жесты в рамках дипломатического общения между монархом и дипломатом. Приглашение на охоту и саму охоту мы видим и в конце XVII в. во время русского посольства в Бену [Archives du ministère des Affaires étrangères, Correspondance politique, Russie, vol. 2, f° 103–105]. Однако если вспомнить положение Данзея на официальных церемониях, путешествия с королем Дании, охоту с ним, а также тот факт, что сын монарха является его крестником, то все это сложится в общую картину благоволения и близости, которую испытывал король-лютеранин к дипломату-кальвинисту, находящемуся на службе католического двора.

Какие же задачи ставились перед Данзеем? Прежде чем их описать, следует указать, что он был не только постоянным резидентом в Дании, но и «резидентом» Франции для всего Балтийского моря и всех Северных морей: именно в его руках находились все нити политики Французского королевства в данном регионе.

Основные задачи Данзея мы узнаем из его письма Екатерине Медичи от 20 апреля 1575 г. [см.: Correspondance..., р. 90–97]. В первую очередь, это обеспечение мира между Швецией и Данией, дабы не допустить ослабления двух королевств перед угрозой нараставшего влияния Габсбургов в данном регионе. Это ему прекрасно удается во время переговоров в Штеттине 1570 г.: Дания и Швеция заключили прочный мир, открыв свои воды для французских судов, которые плыли торговать как на берегах этих двух королевств, так и в Нарву, которая была к тому времени захвачена войсками Ивана IV Грозного [см.: Виане, с. 26; Anthiaume, р. 302]. Здесь же мы видим и второй аспект деятельности Данзея: обеспечение и стимулирование развития французской торговли со странами Северной Европы, включая Московское государство.

Данная задача была еще труднее, чем первая: Ливонская война обрушивала раз за разом предприятия французских мореплавателей, их суда конфисковывались датчанами и шведами, не желавшими увеличения

торгового оборота западных купцов с московской Нарвой [см.: Anthiaume, p. 303]. Во многих письмах Данзея, отправляемых ко французскому двору, встречаются жалобы на такие действия со стороны вышеописанных государств [Correspondance..., p. 138–141, 207–210, 220–223]. Однако он не ограничивался одними лишь жалобами. Находясь в хороших отношениях с королями Дании и Швеции, Данзей не раз вступался за французских купцов, защищая их товары и их самих. Именно благодаря ему французские суда доплывали до Нарвы и возвращались обратно, нагруженные московскими товарами.

Проектировал он и Северный морской путь, описанный Герберштейном [см.: Герберштейн, с. 509–523], торговли с Русским государством: именно через него, посредством его опеки по Северному морскому пути, вплоть до Колы и Архангельска, прошли Етьен Ватье и Жан Соваж, которые привезли с собой первые грамоты от французского короля Генриха III с пожеланием дружбы Ивану Грозному [см.: Виане, с. 37–41; Черникова, с. 65–73; Буцан, с. 90–91; Арутюнова, Линькова, с. 111]. В дальнейшем две страны обмениваются посольствами: во Францию приедет Петр Рагон (о котором мы узнаем по донесениям тосканского резидента Д. Бузини в Париже, а также из двух грамот царя Федора, направленных французским купцам и лично французскому монарху) [см.: Négociations..., p. 549–550; Зимин, с. 131; Le Tsar..., p. 14–15; Traité..., p. 15–16], а в Москву приедет Франсуа де Карль, о котором мы также узнаем из двух грамот царя Федора [Le Tsar..., p. 14–15; Traité..., p. 15–16].

Таким образом, Шарль де Данзей становится инициатором торговых и дипломатических связей между Францией и Московским государством [см.: Черникова, с. 65–73; Хорошкевич, с. 21–76], которые будут прочными вплоть до петровских преобразований [см.: Schnakenbourg, p. 11–28; Козулин, с. 79] и далее. Узнав о Московии из современных ему сочинений [см.: Бугров, с. 3–14], Шарль де Данзей посвятил большую часть своей деятельности доказательству того, что с этим государством можно и нужно договариваться, чувствуя в этом немалую выгоду для своей страны, находящейся в тяжелых условиях религиозных войн [см.: Ливе, с. 122].

Шарль де Данзей находился и при всем краткосрочном и драматическом царствовании Генриха III в Польше [см.: Эрланже, с. 161–182] – именно он пытался обеспечить младшему сыну Екатерины Медичи своими связями социальную поддержку в кругах польской элиты. Однако все его старания оказались напрасными – новоявленный король после сообщения о смерти Карла IX, своего брата, бежал из Польши, оставив своих

подданных на произвол судьбы. Но Данзей, которого будущий король, уже Франции, Генрих III никак не мог взять с собой, остался здесь среди враждебной обстановки и лютой ненависти со стороны не только польских элит, но и польского народа. Те связи, которые выстраивал Данзей при польском дворе для укрепления влияния Франции, все его старания пошли прахом в один миг. Данзей во время своего пребывания в Кракове каждый день боялся, что ему перережут горло [см.: Досси, с. 212]. Такое предательство со стороны будущего короля Франции его самого и его стараний должно было отразиться на Шарле де Данзее, однако он продолжал служить Франции и новому монарху с тем же усердием, с которым служил и ранее: процветание Франции для него стояло на первом месте.

Однако «забывчивость» Генриха III по отношению к Данзею была «маленькой оплошностью» по сравнению с тем, что дипломат пережил ранее, узнав о событиях Варфоломеевской ночи. Казалось бы, что именно в этот период мы найдем в его переписке отступление от верности католическому двору Франции, ведь фактически именно по приказу Екатерины Медичи и Карла IX были убиты тысячи единоверцев Данзея [см.: Ливе, с. 24]. Однако в письме к Дюплесси-Морне мы видим совершенно другое: несмотря на горестное сожаление по поводу произошедшего [см.: *Lettre...*, р. 103, 115], Данзей информировал остальные дворы Европы в русле официальной версии французского двора, который хотел выставить себя невиновным в произошедшем [см.: Досси, с. 216–217]. Это опять свидетельствует о той раздвоенности, противоречивости и «тайной гармонии», которая преследовала Данзея от начала его карьеры до конца дней: будучи верным слугой своего короля, он проводил ту политику, которая была угодна и выгодна его государству и в то же время неизменно ратовал за соединение протестантских сил против католической агрессии – и это не было его предательством: он балансировал между служением Богу (как раз в протестантском понимании этого) и служением своему государству.

В заключение следует сказать, что Шарль де Данзей – человек с удивительной судьбой, что не может не заинтересовать исследователей [см.: Бессмертный, с. 4]. В качестве постоянного французского резидента в Дании он участвовал в решении важнейших международных конфликтов. Интересен он нам и по той причине, что является дипломатом-гугенотом на службе у католического монарха при дворе лютеранского правителя: данное триединое звучание не может не заинтересовать исследователей, которые занимаются как историей дипломатии, так и историей

раннего Нового времени. Данзей – настоящий дипломат, который в самых сложных ситуациях сохраняет баланс, твердо стоя на ногах, не позволяя различным факторам помешать его служению на благо Франции.

Арутюнова Ж. М., Линькова Е. В. Россия глазами французских путешественников XV–XVIII вв. // Вестн. РУДН. 2016. № 1. С. 108–116 (Сер. История России).

Бессмертный Ю. Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. 1995. Человек в истории. Представления о власти. М., 1995. С. 4–20.

Бугров К. Д. Проблемы развития конфессионально-политического диалога: западноевропейские католические авторы XVI–XVII вв. о России // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 3–21.

Буцан А. С. К истории русско-французского культурного диалога // Вестн. МГУКИ. 2012. № 6 (50). С. 90–93.

Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М., 2017.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1.

Досси Юг. Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) // Религия. Церковь. Общество. 2015. № 4. С. 198–227.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986.

Козулин В. Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI – начало XVII в.) // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2016. № 2 (90). С. 78–86.

Ливе Ж. Религиозные войны. М., 2004.

Мережковский Д. С. Иисус Неизвестный. М. ; Харьков, 2000.

Молочков Ф. Ф. Дипломатический протокол и дипломатическая практика. М., 1977.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989.

Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.

Черникова Т. В. Западноевропейские купцы и процесс европеизации России в XVI в. // Вестн. МГИМО. 2012. № 5. С. 65–73.

Эрланже Ф. Генрих III. СПб., 2002.

Ambassadeurs, ministres, etc., en Danemark // Annuaire historique pour l'année 1848, publié par la Société de l'Histoire de France. Paris, 1847.

Archives du ministère des Affaires étrangères, Correspondance politique, Russie, vol. 2, f° 103–105. Relation de tout ce qui est passé dans l'ambassade des Moskovites faite à Vienne, 1687.

Anthiaume A. Cartes marines, constructions navales, Voyage de Découverte chez les Normands, 1500–1650. Paris, 1916. Т. 1.

Bricka C.-F. Indberetninger fra Charles de Dançay til det Franske Hof om forholdene i Norden 1567–1573 / Udgivne ved C. F. Bricka af Rigsarkivet. Kjobenhavn, 1901.

Correspondance de Charles de Dantzai, Ministre de France à la cour de Dannemark // Handlinger rörande skandinaviens historia. Stockholm, 1824. T. 9.

Le Tsar Fedor Ivanovitch au Roi de France Henri III // Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française 8. Russie 1. Des origines jusqu'à 1748. Paris, 1884.

Lettre de Danzay au roi, 1 Juli 1572 // C.-F. Bricka. Indberetninger fra Charles de Dançay til det Franske Hof om forholdene i Norden 1567–1573 / Udgivne ved C. F. Bricka af Rigsarkivet. Kjobenhavn, 1901.

Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane. Paris, 1872. T. 4.

Rördam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVI siècle // Extrait du Bulletin de l'Académie royale des sciences et des lettres du Danemark pour l'année 1897. Copenhagen, 1898.

Schnakenbourg E. L'aube des relations diplomatiques franco-russe: les ambassades moscovites en France au XVII siècle // La France et la Russie : regards diplomatiques (XVIIe–XXIe siècle). Renne, 2012.

Traité de commerce entre le Tsar et des marchands parisiens 1587 // Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française 8. Russie 1. Des origines jusqu'à 1748. Paris, 1884.

Vindry F. Les Ambassadeurs Français permanents au XVI siècle. Paris, 1903.

Richard A. Un diplomate poitevin du XVI siècle. Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark. Poitiers, 1910.

УДК 94(410).081

А. А. Умеренкова

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ во второй половине XIX в.

Статья посвящена рассмотрению доклада Норткота – Тревельяна от 23 ноября 1853 г. как особо важного документа, сыгравшего огромную роль в формировании института государственной гражданской службы Великобритании. Особое внимание уделяется реализации перечисленных в докладе рекомендаций для «слуг Короны».

К л ю ч е в ы е с л о в а: государственная гражданская служба, доклад Норткота – Тревельяна, бюрократическая система, Великобритания, институт гражданской службы, Комиссия гражданской службы.